

СТРАТЕГИЯ ПОЛЬЩИЗНЫ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (на примере Белоруссии)*

Н. В. Полякова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Автор предпринимает попытку с опорой на работы современных отечественных и зарубежных исследователей дать системную характеристику стратегии польщизны, определить специфику ее использования в современном белорусском этноконфессиональном контексте, а также раскрыть роль этой стратегии в начале XXI в. Данная стратегия рассматривается как долгосрочная система не прямых действий, в первую очередь гуманитарного плана, которые призваны в формате комплексного продвижения «польскости» решать актуальные задачи «восточной политики» современного польского государства. Как отмечается, эти задачи подпитывались геополитическими устремлениями Польши в духе золотого века Речи Посполитой, т.е. представляли собой возрождение старых политических подходов и схем посредством их адаптации к новым геополитическим условиям. В статье прослеживается оформление концепта «польщизна», этимология и история данного понятия, выявляются целеполагающие идеологические характеристики и культурно-исторические предпосылки данной стратегии, а также рассмотрены основные направления и наиболее удачные практики ее реализации в этноконфессиональном контексте современной Белоруссии. Делается вывод, что в Белоруссии за 90-е годы XX — первые десятилетия XXI в. была сформирована пропольски ориентированная часть населения, которая стала опорой для манипулятивных действий уже в политическом плане, что наглядно показали события вокруг президентской кампании 2020 г. Утверждается, что обращение к специфическому опыту реализации данной политической стратегии полезно в современных условиях для оценки эффективности проекта Союзного государства России и Белоруссии, а также выработки Россией собственной стратегии применительно к данному региону.

Ключевые слова: стратегия польщизны, этноконфессиональный контекст, восточная политика Польши, Польша, Белоруссия.

В условиях современных вызовов как глобального, так и регионального характера интерес к государственным внешнеполитическим стратегиям и изучение их специфики приобретают особый смысловой эффект и масштаб. В контексте меняющегося мирового порядка многие государства заявляют о своих претензиях на изменение геополитического статуса. Польша — один из таких геополитических игроков, претендующих на новые роли в современных условиях: роль регионального лидера Центральной и Восточной Европы, а также проводника американских интересов в европейском сообществе. Особым об-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

разом эти претензии на региональное лидерство проявляются в ее отношениях с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве (в первую очередь с Украиной и Белоруссией), вступая в явное противоречие с геополитическими интересами России. По меткому определению известного польского писателя, публициста и политического обозревателя Ю. Мерошевского, «польско-российские отношения всегда были лишь функцией той ситуации, которая складывалась на этих территориях в данный исторический период» [Mieroszewski, 1997, s. 352].

В данном ключе обращение к одной из специфических внешнеполитических стратегий польского государства — так называемой польщизне — приобрело на современном этапе особое значение. Автор статьи видит свою задачу в том, чтобы раскрыть роль этой стратегии в новой реальности и определить, насколько успешной и востребованной она оказалась в начале XXI в. Для этого на примере белорусского кейса будут выявлены целеполагающие идеологические характеристики и культурно-исторические предпосылки данной стратегии, а также рассмотрены основные направления и наиболее удачные практики ее реализации.

Методология исследования строится на сочетании системного подхода, на базе которого будет осуществлен комплексный анализ стратегии польщизны, и компаративного подхода, позволяющего провести сравнительный анализ различных инструментов и тактических приемов реализации данной стратегии в конкретном социокультурном и этноконфессиональном контексте. В качестве эмпирического материала будут использованы данные официальных интернет-сайтов Республики Беларусь и Республики Польша.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

После распада СССР и социалистического лагеря в Польше начался процесс формирования новой идентичности, в основу которой был заложена установка о принадлежности страны к западной европейской цивилизации и необходимости «возвращения Польши в Европу» [Fedorowicz, 2011, s. 39]. В этом контексте польская политика после 1991 г., как образно определила в своей книге, изданной в 2002 г., польский дипломат и журналист Иоанна Стшельчик, была одновременно и «бегством с Востока» (см.: [Strzelczyk, 2002]). При этом приоритетный западный вектор польской политики постепенно все более сосредотачивался на евроатлантизме, в рамках которого внешняя политика новой Польши базируется на помощи и покровительстве США, а также на проведении проамериканской политической линии в Европе: «...именно евроатлантический вектор стал наиболее значимым во внешней политике Польши, но при этом необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что выбор этого вектора был не одномоментным и формировался в контексте происходящих в мире перемен» [Польша в XX веке, 2012, с. 905].

Возвращение Польши в Европу, происходившее в первую очередь через вступление в НАТО (1999), а затем в ЕС (2004), не отменило, а, напротив, еще более актуализировало необходимость развития и восточного вектора полити-

ки польского государства, который приобрел на рубеже XX–XXI вв. новый ракурс: «Ситуация после 1991 г. была для Польши уникальной, поскольку ее соседями впервые стали независимые Белоруссия и Украина» [Беспалов, 2007, с. 53]. Именно в таком качестве традиционно понимается в польском контексте сам термин «восточная политика»: это политика Польши по отношению к своим соседям на Востоке, прежде всего России, Украине, Белоруссии. Как отмечает российский историк и политолог О. Б. Неменский, «в XVI в. все русские земли получили в польской культуре наименование “Востока” (“Wschód”)». “Восток” для поляков понятие, по сей день применимое только к России и нынешнему постсоветскому пространству» [Неменский, 2013, с. 34].

После 1991 г. восточный вектор польской внешней политики потребовал самостоятельного развития исходя из возникавших в этот период задач и потребностей государственного строительства: «Вопрос о границах и о польском национальном меньшинстве, а также острые исторические противоречия, публичное обсуждение которых долгое время было под запретом, создавали насущную базу для развития официальных контактов с Украиной, Литвой и Белоруссией» [Чернова, 2013, с. 18]. Активизация «восточной политики» современного польского государства проходила постепенно, в несколько этапов, параллельно с развитием и укреплением его взаимоотношений с ЕС и НАТО: на первоначальном этапе, с 1991 г. — в формате перехода от односторонних действий до институционализованного участия в стартовавшей в 2003–2004 гг. Европейской политике соседства (ЕПС) [Шумилин, 2020, с. 86–87]; далее, с 2008–2009 гг. — в формате инициативного лидерства по подготовке и реализации в рамках ЕПС проекта «Восточного партнерства» как официальной линии ЕС, который стал «наивысшим успехом “восточной политики” Польши в ЕС» [Мальгин, 2011, с. 16]. На современном этапе происходит усиление во внешнеполитическом дискурсе роли «прометеизма», ставшего идеологической основой польской «восточной политики» после прихода к власти в стране правых сил. При этом исследователи обращают особое внимание на роль братьев Качинских «в адаптации и актуализации “прометеического послания” в новых условиях» [Симонова, 2020, с. 97]. Российский ученый В. В. Волобуев таким образом характеризует специфику заложенного в этот период внешнеполитического курса Польши: «Внешиполитическая доктрина Качинских официально носила название “исторической”, а ее восточное направление во многом воспроизводило ягеллонскую идею, включая восприятие России как имманентного врага» [Волобуев, 2022а, с. 92].

В польском внешнеполитическом дискурсе традиционно конкурировали две основные концепции, получившие оформление в начале XX в.: «пястовская» и «ягеллонская». В рамках второй из них рождается и оформляется уже в период Второй Речи Посполитой, как ее крайнее выражение, политико-идеологический проект Междуморья, который ныне активно продвигается в современной Польше (см.: [Чернова, 2016]). Таким образом, современная реинкарнация идей «прометеизма» и политического проекта Междуморья тесно связана с консервативно-националистическими идеями возрождения «старых политических подходов»: «Вместо новой “восточной политики” Варшава скорее продемонстрировала преемственность с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: ягеллонской идеей и «прометеизмом» Пилсудского... Они теперь не

включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеей — своеобразным «прометеизмом 2.0» [Буневич, 2020, с. 115]. Российский историк Т. А. Симонова, характеризуя специфику обновленной версии польского «прометеизма», особо обращает внимание еще на один примечательный факт: «Современная практика «прометеизма» реализуется в формах гуманитарного воздействия на общество государств Восточной Европы...» [Симонова, 2020, с. 94].

В этих условиях «восточная политика» польского государства, с одной стороны, предстает по сути лишь как производная западного, в том числе североатлантического, вектора политики Польши, а с другой — явилась обновлением традиционного подхода, сложившегося во времена более ранних форм польской государственности — Первой и Второй Речи Посполитой, что нашло свое выражение в реализации стратегии польщизны.

ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПОЛЬЩИЗНА»

История понятия «польщизна» насчитывает не одно столетие, а его этимология достаточно показательна. Подавляющее большинство славянских языков используют для самоназвания именно слово «язык»: например, польский язык (польск. *język polski*). Но у польского есть и другое название, чаще всего употребляемое в качестве правильного польского языка — «польщизна» (польск. *polszczyzna*): чистый, хороший, отличный, классический, безупречный, правильный польский язык (польск. *czysta, dobra, doskonała, klasyczna, nienaganna, poprawna polszczyzna*). Так, в «Большом словаре польского языка» под редакцией Петра Жмигродзки из Института польского языка Польской академии наук (польск. *Instytut Języka Polskiego PAN*) в качестве варианта его употребления приводится следующее выражение: «*mówić dobrą/polszczyzna*», т. е. говорить на чистом (хорошем) польском языке [*Wielki słownik języka polskiego...*]. В учебниках польского языка понятие *polszczyzna* приведено в пример в качестве абстрактного, отвлеченного существительного, образованного от прилагательного *polksi* (польский) с помощью суффикса *-yzn*, и трактуется там в двух значениях, как «польский язык; совокупность всего истинно польского» [Киклевич, Кожина, 2001, с. 75].

В словарях белорусского языка данное слово не найдено, но зато оно присутствует в современных словарях украинского языка. Согласно толковым украинским словарям, «польщизна» — исторический термин, означающий «польскую народность, язык, дух» (укр. «польські народність, мова, дух») [Великий тлумачний словник..., 2005, с. 1039]. И действительно, этим словом во времена Речи Посполитой на территориях нынешних Украины и Белоруссии обозначали политику доминирования «польскости» во всех областях общественной и культурной жизни, осуществляемую с помощью властных ресурсов государства, которые подкреплялись всей мощью католической церкви в лице польского костела.

Особым образом тема польщизны реактуализировалась уже после вхождения Польши в состав Российской империи. Это произошло на фоне и по результатам польского восстания 1863 г., когда российскими властями была поставлена цель искоренить польщизну — так тогда называли польское вли-

яние — в юго-западном и северо-западном крае, что нашло отражение и в русской политической публицистике, и даже в русской литературе. Так, например, в известном социальном романе XIX в. «В водовороте», который впервые был опубликован в 1871 г. в журнале «Беседа», А. Ф. Писемский, характеризуя идейные метания между оппозиционностью и патриотизмом одного из своих героев — князя Григорова, вводит в текст своего произведения следующее замечание: «Стоять же за польщизну, или, лучше сказать, за польскую шляхту и ксендзов, он считал постыдным для себя» [Писемский, 1959, с. 353]. В примечаниях к тексту произведения, приведенных в 1959 г. в девятитомном собрании сочинений писателя, понятие «польщизна» трактуется редактором издания как «совокупность всего подлинно польского» [Писемский, 1959, с. 461].

В целом политика польщизны имеет своей целью создание предпосылок для восприятия как исторических фактов, так и современной действительности сквозь призму исключительно польских ценностей и интересов. Но, как подчеркивают в своей статье российские исследователи Н. М. Сергеев и А. В. Фадеев, «необходимо отличать политику польщизны от полонизации или ополячивания, поскольку смысл польщизны состоит не в насильственном переделывании белорусов или украинцев в поляков (хотя подобный вариант также не исключается), а в изменении их культурно-цивилизационной принадлежности, т. е. в формировании у белорусского и украинского населения чуждого, а лучше враждебного отношения к России и Русскому миру» [Сергеев, Фадеев, 2020, с. 14].

В современных условиях данная стратегия представляет собой долгосрочную систему непрямых действий, в первую очередь гуманитарного плана, которые призваны в формате «ползучей польскости» решать актуальные задачи «восточной политики» нового польского государства. Эти задачи подпитываются геополитическими устремлениями в духе золотого века Речи Посполитой, в рамках которых упор делается на масштабном искажении сознания и культурных кодов, чтобы тем самым гибко «привязать» население территорий, входивших в прежние времена в зону политического влияния польского государства, к проекту Четвертой Речи Посполитой. Данный политико-идеологический проект начал проводиться в Польше с 2006 г. на государственном уровне: «Именно Я. Качиньский сделал лозунгом “Права и справедливости” построение “четвертой республики”...» [Волобуев, 2020б, с. 84]. По словам исследователей, представители правой партии «Право и справедливость», вернувшиеся во власть в 2015 г. и сохраняющие до сих пор свои позиции после парламентских (2019) и президентских выборов (2021), стратегически стремятся «разрушить прогнившее здание третьей Речи Посполитой и построить четвертую Речь Посполитую» [Лыкошина, 2017, с. 181].

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛЬЩИЗНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

Наиболее рельефно стратегия польщизны проявила себя в этноконфессиональном контексте современной Белоруссии, где была эффективной в первую очередь в западных регионах страны, которые ранее входили в зону так назы-

ваемых кресов восточных — восточных территорий (польск. kresow wschodnich) исторически более ранних форм польского государства: это Гродненская, Брестская, части Минской и Витебской областей. Неслучайно понятие «Малой Польщицны» используется для обозначения особого социокультурного пространства, которое, совпадая с границами «кресов восточных» на территории современной Белоруссии, остается в неотъемлемой частью польского национального сознания: «Польскость как таковая не существует без “кресов” и памяти о них. “Кресовость” (kresowość), как и сотни лет назад, остается конституирующим элементом польского культурного и политического мышления, определяет его ценности и геополитические ориентиры, остается его фантомной болью» [Гулевич, 2018].

Начиная с 90-х годов XX в. и до 2020 г. в рамках реализации данной стратегии на территории Белоруссии в комплексе использовались различные тактические приемы и практики: проведение активной диаспоральной политики, в том числе в формате расширения диаспоры за счет привлечения неофитов по культурно-конфессиональному критерию; разработка программы по выдаче «карт поляка» (польск. Karta Polaka), предоставляющих серьезные преференции их держателям; создание в гражданском поле пропольски ориентированных культурно-просветительских и общественных организаций; развитие студенческого обмена между вузами, а также научных и культурных контактов для продвижения «польскости»; оказание финансовой и медийной поддержки культурным и образовательным проектам, направленным на популяризацию среди белорусского населения польской версии трактовки истории, мемориализацию памяти о «польском периоде» белорусских земель, развитие «польскости» в области топонимики и туризма на территории Белоруссии, а также на расширение изучения и употребления польского языка. Большинство из этих направлений разрабатывались и реализовывались под эгидой комплексно взаимодействующих между собой организаций и институтов: неправительственных фондов (например, Фонд им. Стефана Батория, фонд «Semper Polonia» и др.); структурных подразделений католической церкви в Польше (например, Фонд Иоанна Павла II, фонд «Через границы» и др.); целого ряда польских государственных институтов (от польского Министерства иностранных дел до созданного в 2017 г. польского Национального агентства по академическим обменам (NAWA), которое предоставляет стипендии молодым полякам диаспор для получения высшего образования в польских вузах и совершенствования знания польского языка¹). В рамках данной статьи обратимся к наиболее эффективным, на взгляд автора, из этих практик, выполнявшим особо значимую роль в продвижении стратегии польщицны в этноконфессиональном пространстве современной Белоруссии.

В современном мире прагматика взаимодействия государства со своими диаспорами, в частности в геополитически важных соседних регионах, является многоаспектным фактором национальной безопасности страны-донора

---

¹ Program im. gen. Wł. Andersa. URL: <https://nawa.gov.pl/studenci/studenci-zagraniczni/programim-gen-andersa> (дата обращения: 26.06.2023).

и требует разработки специальной политики. Как утверждают эксперты в этой области, «современная модель управления диаспорами предполагает вовлечение соотечественников в реализацию политики национального развития государства происхождения» [Варламова и др., 2022, с. 269]. Но внешняя диаспоральная политика современной Польши в соседней Белоруссии имеет ряд специфических особенностей: она прицельно использовалась для достижения геополитических региональных целей и активно развивалась в формате расширения диаспоры, в том числе за счет привлечения в нее неофитов по культурным и конфессиональным критериям.

Согласно переписи населения Республики Беларусь 2019 г., польское меньшинство там насчитывает около 287 693 человек². «Третьей по численности национальностью в Белоруссии являются поляки, более трех четвертей которых проживает в Гродненской области и которые характеризовались в 2009 г. самым низким уровнем урбанизации (61,4%)», — так определяют демографы характер польской диаспоры, которая является вторым по величине меньшинством после русских и составляет на данный момент около 3,1 % от общей численности населения страны [Соколов, 2022, с. 83]. Вместе с тем официально фиксируется постоянное снижение численности польского населения в Белоруссии: если в 1999 г. поляками себя назвали 395,7 тыс. граждан страны, то согласно переписи 2009 г. — уже 294,5 тыс. человек. И этот процесс, по данным последней переписи 2019 г., продолжается, что является результатом как естественной убыли населения, так и изменения этнического самоопределения. Снижение численности польской диаспоры на территории Белоруссии вызывает серьезную озабоченность в самой Польше. Там полагают, что на самом деле польское население Белоруссии составляет более миллиона человек, часть из которых просто утратила свою «польскость», поэтому «инициативы Варшавы направлены прежде всего на возрождение польского духа, польской культуры и польского католицизма на белорусских землях» [Гулевич, 2010].

Большинство исследователей, оперируя этнографическими и историческими данными, рассматривают польское население Белоруссии как этнокультурную или этноконфессиональную группу с достаточно прозрачными границами, которые позволяют осуществлять переход в нее из других «полонофильских» групп населения страны: «...поляков на Беларуси нужно расценивать как автохтонную часть населения, которая при процессе становления национальной идентичности на современной белорусской территории выбрала именно “польский вариант” этнокультурной идентичности» [Ластовский, 2011, с. 122]. Как и любое нацменьшинство, польская диаспора поддерживает активные связи со своим «диаспоральным центром», но при этом в рамках своей геополитической стратегии Польша стремится посредством культурных и конфессиональных ме-

---

² Статистический бюллетень «Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь». Минск, 2020. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/471/471b4693ab545e3c40d206338ff4ec9e.pdf?ysclid=liyuwx9yrz765773023> (дата обращения: 10.06.2023).

ханизмов не только планомерно контролировать сложившееся естественным путем диаспоральное сообщество, но и расширять его границы, «конструируя» поляков из автохтонного населения на территории нынешней Белоруссии.

Согласно исследованиям социологов, конфессиональная принадлежность белорусских поляков играет доминирующую, а возможно, и определяющую роль по отношению к этнической принадлежности (по формуле «поляк=католик») [Навуменка, 2002, с. 187]. Поэтому именно инфраструктура Римско-католической церкви в союзе с аффилированными с ней польскими культурно-просветительскими центрами, организациями и СМИ служит каналом конструирования польской идентичности. Католическая церковь в Белоруссии — это прежде всего польский костел, который начиная с 1990-х годов стал главным инструментом продвижения «польскости» в современном белорусском обществе: «С развитием структуры католической церкви в Беларуси, являющейся главной опорой польскости, последовал сильный процесс ее полонизации» [Fedorowicz, 2010, s. 243]. Только во второй половине 1990-х годов иерархи католической церкви несколько скорректировали прежде достаточно агрессивную церковную политику, отказавшись от тотального преобладания как этнических поляков в клире, так и от языкового господства польского в литургии. Но тем не менее целенаправленное продвижение польской культуры, языка, «польскости» во всех аспектах по-прежнему продолжается в католических приходах и в жизни белорусских католических общин. Особенно стоит отметить символичность распространения культа папы Иоанна Павла II (в миру — Кароля Войтылы), первого папы-поляка и главного идейного вдохновителя «качинизма» [Волобуев, 2022а, с. 90], который активно присутствует во всех белорусских костелах. Как отмечает российский исследователь В. Гулевич, «некоторые польские эксперты и политологи настоятельно советуют усилить религиозную составляющую польского присутствия на землях, как Западной Украины, так и Западной Белоруссии, призывая католический клир обращать больше внимания на политику, а не только духовное окормление своей паствы» [Гулевич, 2010].

Еще одним значимым направлением реализации стратегии польщизны в белорусском обществе стало принятие и развитие программы «Карта поляка», идеологом и инициатором которой была правая польская партия «Право и справедливость». В 2007 г. польский Сейм принял закон в отношении людей, имеющих польские корни, но проживающих за пределами Польши, согласно которому гражданам других государств (до 2019 г. только на постсоветском пространстве) начали выдавать так называемую карту поляка. Этот документ подтверждает «принадлежность ее обладателя к польскому народу» и дает целый пакет прав негражданского характера, а также льгот (долгосрочная виза, право на легальное трудоустройство и занятие предпринимательством на территории Польши, право на бесплатное образование и бесплатную экстренную медицинскую помощь, на бесплатное посещение музеев, транспортные льготы и т. д.)³. Впоследствии в закон о карте поляка несколько раз вносились поправки (2016, 2019, 2022 гг.),

---

³ Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o Karcie Polaka (Dz.U. 2007 nr 180, poz. 1280). URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-karcie-polaka/> (дата обращения: 15.06.2023).

которые упрощали ее получение и расширяли права обладателей: например, на данный момент все они могут бесплатно получить вид на жительство в Польше, а еще через год — и польское гражданство, т. е. обладатель такой карты — это потенциальный гражданин Польши [Gońda, Lesińska, 2022, s. 8].

Официально была заявлена основная цель этой программы — поддержка языковых, культурных и даже этических ценностей, так как в преамбуле к закону говорится о необходимости «исполнить моральные обязательства по отношению к полякам на Востоке, которые в силу превратностей нашего Отечества утратили польское гражданство»⁴. Но помимо своей официально декларируемой цели, программа по выдаче карт поляка преследует также достаточно явно экономическую цель, а именно привлечение в Польшу трудовых мигрантов, которые культурно близки к жителям страны (это было обусловлено возросшей миграцией граждан Польши в другие страны ЕС и, как следствие, — недостатком трудовых ресурсов), и уже менее явно — политическую цель, выступая в качестве инструмента «мягкой силы» Польши на территории ее бывших «восточных кресов» [Gobert, 2012, p. 27]. Согласно польской официальной статистике, с 2008 по 2021 г. всего было выдано 350 017 таких карт, при этом именно гражданам Белоруссии их выдали больше всего — 161 861 получателей, на втором месте Украина — 146 628 получателей, на третьем — Литва и Россия (9663 и 9037 получателей соответственно) [Gońda, Lesińska, 2022, p. 10].

Для получения карты нужно, во-первых, подтвердить, что у заявителя есть польские корни по восходящей линии; во-вторых, какая-нибудь польская общественная организация должна предоставить справку, что в течение трех последних лет заявитель активно действовал во благо польского языка, культуры или польского национального меньшинства; и, в-третьих, нужно показать базовые навыки владения польским языком и знание основ польских традиций и обычаев. Но поскольку первый и второй пункты работают по принципу «либо первое, либо второе, либо оба сразу», то это создало условия для получения карт соискателями, которые не являются этническими поляками или не считают себя таковыми, но при этом рассчитывают воспользоваться всеми правами и льготами, предоставляемыми картой поляка (в первую очередь для получения бесплатной шенгенской визы). Тем не менее, несмотря на свои «болевые» точки, на которые обращают внимание критики внутри самой Польши, как справа, так и слева, данная программа является важным инструментом не только поддержания польской идентичности, но и расширения «польского мира» на «восточных территориях» за счет коренного населения — через систему приобщения к польской культуре и языку, а также через позицию политической лояльности польским интересам, поскольку документ может быть аннулирован при несоблюдении этой лояльности. Белорусские власти вынуждены были реагировать на эту ситуацию, внося через Конституционный суд некоторые ограничения прав для граждан, получивших карту поляка⁵.

---

⁴ Ibid.

⁵ Рашэнне Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 7 красавіка 2011 г. № П-258/2011 «Аб пазіцыі Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь па Закону Рэспублікі Польшча «Аб Кар-

Особое место в стратегии польщизны занимает популяризация в белорусском обществе польской версии трактовки истории и мемориализация памяти о «польском периоде» белорусских земель, поскольку «восточная политика» Польши, традиционно отягощенная фантомами прошлого, в период прихода там к власти правых сил приобрела характер именно «исторической» политики. В условиях характерного для Белоруссии с начала 1990-х годов мозаичного сосуществования конкурирующих проектов политики памяти, которое приводило к гибриднему наслоению различных моделей национальной идентичности, пропольский нарратив получил там серьезное развитие внутри проекта белорусского национализма [Полякова, 2019, с. 205–206].

Данный нарратив идеологически, финансово и медийно активно подпитывался в рамках стратегии польщизны на различных уровнях (официальном и неофициальном) польской стороной. Польским министерством культуры и национального наследия был разработан целый ряд программ для защиты и продвижения мемориализации польской культуры, в том числе и на «восточных территориях»: например, программа «Национальные мемориальные объекты за рубежом», которая имеет целью «обеспечение достойного места упокоения наших погибших и убитых, а также забота и уход за местами захоронения, расположенными за пределами страны»⁶, а также программа «Защита польского культурного наследия за рубежом», которая реализуется под эгидой Национального института польского культурного наследия за рубежом POLONIKA (польск. Narodowy Instytut Dziedzictwa) с целью «улучшения состояния сохранения и укрепления охраны культурного наследия, находящегося за пределами польской республики, а также распространения знаний о нем»⁷. Реализация подобных программ и других проектов привела к тому, что в последние годы в Белоруссии можно было наблюдать активизацию практик коммеморации отдельных элементов истории Речи Посполитой и польского повстанческого движения на западных окраинах Российской империи: восстановление сакральных объектов римско-католической церкви, усадеб и замков польской шляхты и создание на их основе музейных комплексов (например, Мирский и Несвижский замки, а также усадьбы лидера польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко и активного участника польского восстания 1863 г. Наполеона Орды в Брестской области); установка памятников и памятных знаков видным политическим фигурам того периода; мемориализация воинских и гражданских захоронений различных периодов польского присутствия и т. д. [Полякова, 2019, с. 208–209].

В целом подобная практика представлялась бы вполне нормальным в общекультурном смысле явлением, если бы проблема не заключалась в идейном наполнении и самом контексте подачи материала. Элементы белорусской

це паляка». URL: <http://www.kc.gov.by/be/document-24283?ysclid=lj1vqzzhda822475220> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ Miejsca pamięci narodowej za granicą. URL: <https://www.gov.pl/web/kultura/miejsca-pamieci-narodowej-za-granica4> (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ Ochrona polskiego dziedzictwa kulturowego za granicą. URL: <https://www.gov.pl/web/kultura/ochrona-dziedzictwa-kulturowego-za-granica2> (accessed: 17.06.2023).

истории, связанные с Речью Посполитой, подавались в научном и публицистическом дискурсах, в учебных материалах по истории страны, в системе экскурсионного и информационного обслуживания туристов не критически, а исключительно в позитивно-ностальгическом ключе, в формате утраченного золотого века, вплоть до создания из польских деятелей в области культуры и политики национальных белорусских героев (например, культ магнатов Радзивиллов). Таким образом, начиная с 1990-х и вплоть до 2020 г., когда проблема приобрела уже угрожающий для национальной безопасности характер, идеология польщизны постепенно встраивалась в сам культурно-исторический комплекс белорусской национальной идентичности, заняв там чуть ли не центральное место: «...лишившись по итогам последних веков реального политического контроля над территориями на Востоке, Варшава все же пытается вернуть свое влияние над ними, используя для этого в том числе историко-культурный фактор» [Буневич, 2016, с. 26]. В таких условиях, как отмечают исследователи, все попытки белорусских официальных властей, предпочитавших многовекторный подход, купировать эту опасную для национального суверенитета тенденцию оказывались несвоевременными и малоэффективными [Сергеев, Фадеев, 2018, с. 109].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате достаточно успешного использования стратегии польщизны за 90-е годы XX — первые десятилетия XXI в. в Белоруссии была сформирована пропольски ориентированная, иногда даже вне привязки к этнической принадлежности, часть населения, которая во многом стала опорой и ядром актива для дальнейших манипулятивных действий уже в политическом плане. Это наглядно показали события вокруг президентской кампании 2020 г., где в подготовке и координации протестных акций, по мнению как самого руководства Республики Беларусь [Лукашенко..., 2020], так и многих исследователей [Циткилов, 2021, с. 30–31], отчетливо присутствовал «польский след».

Изучение специфического опыта реализации данной политической стратегии в белорусском контексте полезно в современных условиях для оценки эффективности проекта Союзного государства России и Белоруссии, а также определения проблемных зон интеграции и союзнического взаимодействия. Например, одной из самых проблемных зон остается историческая политика, поскольку политизация прошлого однозначно «способствует переводу исторических нарративов и национально-государственной идентичности в плоскость проблем международной и национальной безопасности» [Мушта, 2021, с. 88]. В перспективе обращение к современному опыту реализации польщизны в Белоруссии может способствовать выстраиванию Россией более гибкой комплексной стратегии в данном регионе, где ей традиционно приходится конкурировать с имеющими между собой достаточно тонкую грань проектами «мягкой» и «жесткой» силы других геополитических игроков.

Литература

Беспалов А. С. Польская восточная политика после 1989 г. // Россия и современный мир. 2007. № 2 (53). С. 52–69.

Буневич Д. «Восточная политика» Гедройца-Мерошевского или «прометеизм 2.0»? // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2020. С. 107–115.

Буневич Д. С. Польская диаспора как инструмент «мягкой силы» Варшавы на Востоке // Конфликтология / NOTA BENE. 2016. № 1(6). С. 20–28.

Варламова Н. В., Васильева Т. А., Сорокина Е. А., Талапина Э. В., Чехарина В. И. Диаспоры и государства происхождения: позитивный опыт взаимодействия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. № 2. С. 267–296.

Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. І голов. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

Волобуев В. В. Качинизм как польская версия великодержавного консерватизма // Свободная мысль. 2022а. № 1. С. 89–104.

Волобуев В. В. Ярослав Качиньский и Дональд Туск — два лица польского консерватизма // Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022б. С. 81–98.

Гулевич В. Диаспоральная политика Польши на «Восточных территориях» (Украина, Беларусь) // ИА «Россия и соотечественники». 2010. URL: <http://geopolitica.ru/Articles/933> (дата обращения: 15.06.2023).

Гулевич В. Польские «восточные территории» как идеологический конструкт // Международная жизнь. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19715?ysclid=lj2z0fw1qq689763722> (дата обращения: 10.06.2023).

Киклевич А. К., Кожина А. А. Польский язык. 2-е изд., стер. Минск: ТетраСистемс, 2001. 320 с.

Ластовский А. Л. Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. С. 121–129.

Лукашенко раскрыл польский заговор против Белоруссии // ИА «Регнум». 27 ноября 2020. URL: <https://regnum.ru/news/3127156?ysclid=livq2n4c5k825204889> (дата обращения: 03.06.2023).

Лыкошина Л. С. Политическая элита современной Польши // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 169–186.

Мальгин А. В. Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 6–19.

Мушта А. А., Растимешина Т. В. Трансформации концепций национальной безопасности Беларуси и России и историческая политика: содержательные аспекты // ЭСГИ. 2021. № 3 (31). С. 87–99.

Навуменка Л. Этнічная ідэнтычнасць палякаў на Беларусі // Гістарычны альманах. 2002. № 6. С. 181–192.

Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). С. 26–65.

Писемский А. Ф. В водовороте // Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / [вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. П. Еремина]. М.: Правда, 1959. Т. 6. 462 с.

Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Полякова Н. В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти национализм vs западнорусизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 205–212.

Сергеев Н. М., Фадеев А. В. Активизация внешней политики Польши в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 4–31.

Сергеев Н., Фадеев А. Этнокультурный и политический аспекты фальсификации истории в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2018. № 1 (17). С. 90–113.

Симонова Т. М. «Прометеизм» в польском сознании: теория и практика // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. М.: Кучково поле, 2020. С. 74–106.

Соколов А. С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. № 4. С. 61–103.

Чернова А. В. Роль Польши в восточной политике ЕС / под ред. А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2016. 176 с.

Чернова А. В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства» // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 15–24.

Циткилов П. Я. Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета — осени 2020 г., ее внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 18–26.

Шумилин А. И. Европейская политика соседства: время потрясений // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 86–92.

Goibert S. Karta Polaka: in the interest of “Polonia” or Poland? // Ethnicity. 2012. No. 6. P. 25–40.

Gońda M., Lesińska M. Ewolucja Karty Polaka jako instrument polityki państwa. 2022. URL: <https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2022/05/CMR-WP-Gonda-Lesinska-2022-1.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).

Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2011. 343 s.

Mieroszewski J. Rosyjski «komplex polski» i obszar ULB // Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 352–378.

Strzelczyk J. Ucieczka ze wschodu: Rosja w polskiej polityce, 1989–1993. Warszawa: Rytm, 2002. 487 s.

Wielki słownik języka polskiego PAN. URL: https://wsjp.pl/haslo/do_druku/41296/polszczyzna (дата обращения: 17.06.2023).

Полякова Наталья Валерьевна — канд. филос. наук, доц.; belnata70@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 21 июня 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Полякова Н. В. Стратегия польшизмы в этноконфессиональном контексте: социокультурные и политические аспекты (на примере Белоруссии) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 4. С. 619–633.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.408>

THE STRATEGY OF “POL’SHCHIZNA” IN THE ETHNO-CONFESSIONAL CONTEXT: SOCIOCULTURAL AND POLITICAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF BELARUS)*

Natalia V. Poliakova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; belnata70@yandex.ru

The author makes an attempt, based on the work of modern domestic and foreign researchers, to give a systematic description of the strategy of “pol’shchizna”, to determine the specifics of its use in the modern Belarusian ethno-confessional context, as well to reveal the role of this strategy at the beginning of the XXI century. This strategy is considered as a long-term system of indirect actions, primarily of a humanitarian plan, which are designed to solve the tasks of

---

* Work was supported by the Russian Science Foundation (grant No 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

the “eastern policy” of the modern Polish state in the format of a comprehensive promotion of “Polishness”. The article traces the design of the concept of “pol’shchizna”, identifies the goal-setting ideological characteristics and cultural and historical prerequisites of this strategy, and also examines the main directions and the most successful practices of its implementation in the ethno-confessional context of modern Belarus. It is concluded that in Belarus in the 1990s — the first decades of the 21st century, a pro-Polish-oriented part of the population was formed, which in many ways became a support for further manipulative actions already in political terms, which was clearly shown by the events around the presidential campaign of 2020. It is argued that referring to the specific experience of implementing this political strategy is useful in modern conditions from the point of view of evaluating the effectiveness of the project of the Union State of Russia and Belarus, as well as developing Russia’s own strategy in relation to this region.

Keywords: strategy of *pol’shchizna*, ethno-confessional context, *eastern politics*, Poland, Belarus.

References

- Bespalov A. S. Polish Ostpolitik after 1989. *Rossia i sovremennyi mir*, 2007, vol. 2 (53), pp. 52–69. (In Russian)
- Bunevich D. “Eastern Politics” by Gedroits-Meroshevsky or “Prometheism 2.0”? *Poland in the struggle for Eastern Europe 1920–2020*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2020, pp. 107–115. (In Russian)
- Bunevich D. S. Polish diaspora as an instrument of Warsaw’s “soft power” in the East. *Konfliktologiiia / NOTA BENE*, 2016, no. 1 (6), pp. 20–28. (In Russian)
- Chernova A. V. *The role of Poland in the Eastern policy of the EU*. Moscow: Aspekt Press, 2016. 176 p. (In Russian)
- Chernova A. V. “Eastern Policy” of Poland: from the concept of “ULB” to the “Eastern Partnership”. *Vestnik MGIMO*, 2013, no. 6 (33), pp. 15–24.
- Fedorowicz K. *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010*. Poznan: Adam Mickiewicz University Press, 2011. 343 p.
- Goibert S. Karta Polaka: in the interest of “Polonia” or Poland? *Ethnicity*, 2012, no. 6, pp. 25–40.
- Gońda M., Lesińska M. *Ewolucja Karty Polaka jako instrument polityki państwa*. 2022. Available at: <https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2022/05/CMR-WP-Gonda-Lesinska-2022-1.pdf> (accessed: 08.06.2023).
- Gulevich V. Poland’s Diaspora Policy in the “Eastern Territories” (Ukraine, Belarus). *Rossia i sootchestvenniki*. 2010. Available at: <http://geopolitica.ru/Articles/933> (accessed: 15.06.2023). (In Russian)
- Gulevich V. Polish “Eastern Territories” as an Ideological Construct. *International Affairs*, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19715?ysclid=lj2z0fw1qq689763722> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
- Kiklevich A. K., Kozhinova A. A. *Polish language*. Minsk: TetraSystems Publ., 2001. 320 p. (In Russian)
- Lastovskii A. L. Ethnocultural identity of Poles in Belarus. *Sotsiologiiia*, 2011, no. 1, pp. 121–129. (In Russian)
- Lukashenko revealed the Polish conspiracy against Belarus. *Regnum*, 2020, November 27. Available at: <https://regnum.ru/news/3127156?ysclid=livq2n4c5k825204889> (accessed: 03.06.2023). (In Russian)
- Lykoshina L. S. The political elite of modern Poland. *Aktual’nye problemy Evropy*, 2017, no. 2, pp. 169–186. (In Russian)
- Mal’gin A. V. Russia and Poland: through the prism of the “Eastern policy” of the European Union. *Vostochnaia Evropa. Perspektivy*, 2011, no. 2, pp. 6–19. (In Russian)
- Mieroszewski J. Rosyjski “komplex polski” i obszar ULB. Mieroszewski J. *Finał klasycznej Europy*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1997, pp. 352–378.

Mushta A. A., Rastimeshina T. V. Transformations of the National Security Concepts of Belarus and Russia and Historical Politics: Substantive Aspects. *ESGI*, 2021, no. 3 (31), pp. 87–99. (In Russian)

Navumenka L. Ethnic identity of Poles in Belarus. *Gistarychny al'manakh*, 2002, no. 6, pp. 181–192. (In Belarusian)

Nemenskii O. B. Russophobia as an ideology. *Voprosy natsionalizma*, 2013, no. 1 (13), pp. 26–65. (In Russian)

Pisemskii A. F. In a whirlpool. Pisemskii A. F. *Collected Works*, in 9 vols., vol. 6. Moscow: Pravda Publ., 1959. 462 p. (In Russian)

Poland in the 20th century: Essays on political history. Moscow: Indrik Publ., 2012. 952 p. (In Russian)

Poliakova N. V. On the question of the symbolic aspects of the modern Belarusian politics of memory nationalism vs Western Russianism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 52, pp. 205–212. (In Russian)

Sergeev N. M., Fadeev A. V. Activation of Poland's foreign policy in the Republic of Belarus. *Postsovetskii materik*, 2020, no. 1 (25), pp. 4–31. (In Russian)

Sergeev N. M., Fadeev A. V. Ethno-cultural and political aspects of the falsification of history in the Republic of Belarus. *Postsovetskii materik*, 2018, no. 1 (17), pp. 90–113. (In Russian)

Shumilin A. I. European Neighborhood Policy: A time of upheaval. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no. 4, pp. 86–92. (In Russian)

Simonova T. M. "Prometheism" in the Polish Mind: Theory and Practice. *Poland in the struggle for Eastern Europe 1920–2020*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2020, pp. 74–106. (In Russian)

Sokolov A. S. Assessing the reliability of the results of the 2019 population census in Belarus based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of the population. *Demograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 61–103. (In Russian)

Strzelczyk J. *Uciezka ze wschodu: Rosja w polskiej polityce, 1989–1993*. Warsaw: Rytm, 2002. 487 p.

Tsitkilov P. I. Social destabilization in Belarus in late summer — autumn 2020, its foreign policy factors. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2021, no. 1, pp. 18–26. (In Russian)

Varlamova N. V., Vasil'eva T. A., Sorokina E. A., Talapina E. V., Chekharina V. I. Diasporas and States of origin: Positive experience of interaction. *RUDN Journal of Law*, 2022, no. 2, pp. 267–296. (In Russian)

Velikii tлумachnii slovník suchasnoï ukráíns'koï movi, ed. by V. T. Busel. Kyiv; Irpin: Perun Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian)

Volobuev V. V. Jarosław Kaczyński and Donald Tusk — Two Faces of Polish Conservatism. *The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: Political portraits. Late XX — early XXI century*, ed. by K. V. Nikiforov, Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ, 2022, pp. 81–98. (In Russian)

Volobuev V. V. Kachinism as a Polish version of great power Conservatism. *Svobodnaia mysl'*, 2022, no. 1, pp. 89–104. (In Russian)

Wielki słownik języka polskiego PAN. Available at: https://wsjp.pl/haslo/do_druku/41296/polszczyzna (accessed: 17.06.2023).

Received: June 21, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Poliakova N. V. The strategy of "pol'shchizna" in the ethno-confessional context: Sociocultural and political aspects (on the example of Belarus). *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 619–633. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.408> (In Russian)